

Есть в работе и мелкие ошибки, как, например, «Хазарский правитель в Сугдее с христианским именем Юрия» (Георгия. — *М. Т.*) (стр. 36); укрепление Алушта (стр. 24); иерусалимский патриарх Ерман (Эрмон. — *М. Т.*) (стр. 27); даты правления Константина I—324—337 (вместо 306—337).

Резюмируя все изложенное, необходимо признать, что, несмотря на ряд недостатков, известную неполноту исследования и неравноценность отдельных его частей, книга А. Л. Якобсона «Раннесредневековый Херсонес» — результат большого и квалифицированного труда археолога-византиниста. Она явится ценным вкладом в советскую историческую науку и найдет широкий отклик и признание как в нашей стране, так и за ее рубежами.

М. А. Тиханова

ДВЕ ВИЗАНТИЙСКИЕ ХРОНИКИ X ВЕКА. „ПСАМАФИЙСКАЯ ХРОНИКА“. ИОАНН КАМЕНИАТА. ВЗЯТИЕ ФЕССАЛОНИКИ.

Изд-во восточной литературы, М., 1959

Благодаря географическому положению и большим международным связям Византии, в трудах византийских историков и хронистов, как правило, содержатся сведения по истории не только самой Византии, но и многих соседних стран. Поэтому каждая новая книга серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы», содержащая переводы византийских писателей, доставляет весьма ценный материал не только византинистам, но и широкому кругу советских востоковедов, славистов и специалистов по средневековой истории стран Западной Европы. Это особенно относится к изданиям малоиспользованных в научной литературе текстов, не переведившихся ранее на новые языки. К числу таких изданий принадлежат «Две византийские хроники», выпущенные в 1959 г. Издательством восточной литературы. Переводы текстов анонимной «Псамафийской хроники» и «Взятия Фессалоники» Иоанна Камениаты сопровождаются вступительными статьями, обширными комментариями и небольшим исследованием, посвященным художественным особенностям произведения Камениаты.

Жизнеописание патриарха Евфимия, составленное неизвестным монахом Псамафийского монастыря, существенно дополняет наши сведения о событиях конца IX—начала X в.; своей подробностью и последовательностью изложения оно выгодно отличается от ряда других источников того времени (произведения Симеона Логофета, Арефы Кесарийского, Николая Мистика и др.). Автор жизнеописания хорошо знал Евфимия и был очевидцем многих из описанных им событий; в его распоряжении находились, по-видимому, и письменные источники. Характерна точность, с которой он употребляет термины, относящиеся к государственному управлению, имущественным отношениям. Многие его данные подтверждаются свидетельствами других источников, и это укрепляет доверие к тем сведениям, которые пока не находят себе таких параллелей. Следует, наконец, отметить и литературные достоинства этого памятника — его язык, стиль. Некоторыми своими особенностями жизнеописание Евфимия перекликается с образцами литературы той поры (например, с житием патриарха Игнатия), также не чуждавшейся историзма и бытовых тем. В то же время, как справедливо отмечалось исследователями (К. де Боор, Х. Лопарев,

А. П. Каждан), это не столько традиционное житие святого, сколько историческая биография, мемуары современника. Поэтому название, введенное К. де Боором, — *Vita Euthymii*, — разумеется, условно. Вместе с тем, не являясь житием святого, памятник этот по своей композиции существенно отличается от известных нам византийских исторических хроник. Вряд ли поэтому, как нам кажется, стоило менять еще с прошлого века укоренившееся в научной литературе название и вводить новое — также весьма условное (ср. стр. 10).

Значительный исторический и литературный интерес представляет собой и произведение Иоанна Камениаты, повествующее о взятии и разграблении Фессалоники арабами в 904 г. Читатель найдет здесь ценные сведения о ремесле, торговле, постройках этого города, уступавшего по своему значению в византийской жизни одному лишь Константинополю. Здесь содержатся важные данные о славянских племенах, населявших окрестности Фессалоники, — другувитах, сагудатах, стримонцах. Памятник этот сочетает достоверность сообщения с живостью, драматичностью изложения — автор его сам был очевидцем захвата и разграбления своего родного города и разделил тяжелую участь пленных фессалоникийцев.

Таким образом, состав очередного тома «Памятников средневековой истории» представляется весьма удачным. Перед нами во многом незаменимые источники по одному из интереснейших периодов в жизни византийского государства.

Статья А. П. Каждана, предпосланная его переводу (стр. 9—26), обрисовывает социально-политическую обстановку, о которой повествует «Псамафийская хроника» — рубеж IX—X вв. Автор хроники принадлежал, по его мнению, к столичной чиновничьей знати и выражал ее интересы (стр. 14—16). Здесь же дается характеристика источников, которыми он пользовался (стр. 19—22). А. П. Каждан отмечает и отдельные художественные особенности памятника (стр. 24—25). Статья эта представляется весьма удачной, и лишь отдельные ее положения (они, впрочем, не затрагивают существа вопроса и не являются предметом специального рассмотрения автора), на наш взгляд, недостаточно аргументированы. Так, на стр. 13 автор склонен объяснить поражение Византии в начале X в. распадом старого стратиотского ополчения, а победы ее в 60—70-х годах X в. — созданием нового типа войска — тяжеловооруженных всадников-катафрактов. Такое объяснение представляется несколько односторонним; оно не учитывает ряда факторов, определявших сложные перипетии византийско-арабских войн (в нашу задачу не входит специальное их рассмотрение). Следует отметить, что период, когда стратиотское ополчение отнюдь не переживало еще периода распада — конец VIII—первая половина IX в., ознаменован еще более тяжелыми поражениями Византии в войнах с арабами. С другой стороны, серьезный перелом в византийско-арабских войнах наступил еще до середины X в. (победы Иоанна Куркуаса в 20—40-х годах X в.). Да и во второй половине IX—начале X в. неудачи византийского оружия чередовались с крупными успехами (например, деятельность Петроны, Василия I, старшего Никифора Фоки, Андроника Дуки). При этом отдельные из приводимых автором примеров (захват Фессалоники в 904 г., победа русского флота в 907 г., поражение Имерия у Хиоса в 913 г.) свидетельствуют скорей о слабости византийского флота, чем о состоянии стратиотского ополчения.

Недостаточно убедительной представляется здесь и трактовка сцены смерти Дигениса Акрита в одноименной поэме. Слова врачей умирающему герою о том, что тот уже не поднимет своего оружия, что ушли его сила,

богатство, мужество, что скоро его скроет в себе могила (Трапезундская версия, ст. 3152 сл.), вряд ли следует безоговорочно противопоставлять традиционному церковному мировоззрению (стр. 17—18). Стихи эти говорят лишь о непрочности всего земного (ср. схожие по настроению и вполне «благочестивые» стихи Гротта-Ферратской версии — VIII, 249 сл.), о бренности плоти, но отнюдь не духа; напротив, душа бессмертна — об этом неоднократно говорится в поэме. Разумеется, «Дигенис Акрит» — произведение совершенно иного плана, чем, скажем, какое-либо житие; естественно, что смерть вызывает у героев поэмы иные эмоции, чем у христианского святого. Но хотя эмоции эти кое в чем сродни античному мироощущению, они отнюдь не выходят за рамки христианской догматики и вряд ли дают основание говорить в этом отношении о «свободомыслии» автора «Дигениса».

«Псамафийская хроника» впервые переводится на новый язык. Снабженное английским переводом издание П. Карлин-Хейтер было опубликовано, фактически, в 1958 г. и могло быть использовано переводчиком А. П. Кажданом только во время корректуры его издания. Естественно, что первый перевод такого сложного памятника, язык которого по словарному составу и грамматическому строю отличается от классических норм, потребовал немалых трудов.

Следует отметить, что в ряде случаев А. П. Каждану лучше и правильнее, чем П. Карлин-Хейтер, удалось передать текст подлинника. Это особенно относится к тем местам «Псамафийской хроники», перевод которых требовал хорошего знакомства с исторической обстановкой, точного знания реалий. А. П. Каждан не стремится дать буквального перевода, который нередко сохраняет значение каждого слова в ущерб смыслу целого. Русский текст «Псамафийской хроники» точно воспроизводит мысли автора и в то же время является почти безупречным в литературном отношении. Читателю хроники не надо в поисках смысла пробираться сквозь дебри запутанных синтаксических конструкций и косноязычных предложений, как это еще приходится иногда делать при чтении переводов с древних языков. А. П. Каждан не скрывает трудностей перевода и возможности нескольких толкований ряда мест подлинника: в комментариях приводятся варианты перевода, предлагаются конъектуры, которые делаются с достаточной филологической осторожностью. В этом смысле издание «Псамафийской хроники» выгодно отличается, например, от «слепого» перевода «Истории» Феофилакта Симокатты, опубликованного ранее в той же серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы». Научно-филологический характер рецензируемого издания определяется и тем, что переводчик и комментатор в данном случае выступают в одном лице.

Критические замечания по переводу в своем большинстве касаются частности. Приведем некоторые из них. $\Lambda\acute{\epsilon}\omega\nu\ \delta\ \gamma\epsilon\gamma\omicron\nu\acute{\omega}\varsigma\ \delta\rho\omicron\gamma\gamma\acute{\alpha}\rho\iota\omicron\varsigma,\ \delta\ \text{Κατακίλλας}$ (16, 16)¹ вряд ли следует переводить «бывший друнгарий Лев Катакил» (стр. 30). Причастие $\gamma\epsilon\gamma\omicron\nu\acute{\omega}\varsigma$ в данном случае не относится к предпрошедшему времени. Более правильный перевод всей фразы: «Среди них был и друнгарий (или бывший друнгарием. — Я. Л., А. С.) Лев Катакил, приходившийся родственником тогдашнему патриарху Фотию». В IV главе, на наш взгляд, неверно переводится прощальная фраза письма Заутцы к Евфимию: $\epsilon\acute{\rho}\rho\omega\sigma\sigma\epsilon,\ \tau\acute{\iota}\mu\epsilon\ \pi\acute{\alpha}\tau\epsilon\rho,\ \tau\acute{o}\ \epsilon\pi\acute{\iota}\ \tau\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon$

¹ Греческий текст всюду цитируется нами по изданию P. Karlin-Hayter. Vita S. Euthymii. Byz., t. XXV—XXVI—XXVII (1955—1956—1957), fasc. 1. Bruxelles, 1957.

σφάλμα σου διορθούμενος (28, 27—28). Перевод А. П. Каждана: «Прощай, почтенный отче. — Наставляющий тебя в этой твоей ошибке» (стр. 35). Однако причастие διορθούμενος следует, скорее, отнести к адресату Евфимию, нежели к автору письма Заутце, и, следовательно, перевести: «Прощай, почтенный отче, и исправляй эту свою ошибку». Заметим, что в другом случае, когда встречается аналогичная греческая конструкция, А. П. Каждан дает совершенно верный перевод: «Ты же будь здоров, пребывай в своем уединении и молись за меня» (стр. 51) (греческий текст: σὺ δὲ ἔρρωσο τῇ ἡσυχίᾳ σου καταπολεύων καὶ ὑπὲρ ἡμῶν εὐχόμενος — 70. 22—23).

В главе XVII в тексте ответа Евфимия на письмо Зои вместо «Мой ответ ясен из содержания *его*» (курсив наш. — Я. Л., А. С.) повелительного письма» следует читать «Мой ответ ясен из содержания *твоего повелительного письма*» (стр. 69).

Мы упоминали о том, что большим достоинством настоящего издания является наличие филологического комментария. Однако некоторые места текста, толкование которых допускает различные варианты, все-таки остались без объяснений, а в отдельных редких случаях переводчик выбирает, на наш взгляд, не лучшую возможность перевода. В начале II главы рассказывается о посещении Евфимия императором Львом в храме богородицы в Пиги. Согласно толкованию А. П. Каждана, император, поблагодарив Евфимия за молитвы и предсказания, заявил: «Ты внушал страх видящим и внемлющим» (стр. 29). (греч. θαμβοὺς καὶ ἐκπλήξεως τοῖς τε ὁρῶσι καὶ ἀκούουσιν ἐπλήρου — 12. 17). Видимо, переводчик предпочитает чтение ἐπλήρου (II р. imp. med.) вместо ἐπλήρου (III р. imp. act.) и считает, таким образом, все предложение прямой речью. Естественно, однако, видеть в форме этого глагола третье лицо имперфекта действительного залога и отнести действия глагола к императору, читая всю фразу следующим образом: «Поблагодарив Евфимия за силу его святой молитвы, за утешение в тяжелую минуту отчаяния и за ясные предсказания его судьбы, он вызвал изумление у всех видящих и внемлющих».

В главе III Евфимий кончает свою обличительную речь против Заутцы следующими словами: «Ибо святой господь, который защищает императора, низвергнет и уничтожит и тебя, и весь твой род, как это было открыто мне, недостойному» (стр. 32) (τὸν θεὸν γὰρ τὸν ἅγιον ἀρωγὸν τοῦ αὐτοκράτορος κекτημένον, καταβαλεῖ καὶ εἰς τέλος ὀλέσει καὶ σὲ καὶ πᾶσαν τὴν συγγένειάν σου, καθὼς ἐμοὶ τῷ ἐλαχίστῳ δεδήλωται — 20.13—16). В приложении же к своему изданию П. Карлин-Хейтер приводит несколько примеров из текста «Псамафийской хроники», когда подлежащее родительного самостоятельного совпадает с подлежащим всего предложения², и считает, таким образом, субъектом в данной фразе не ὁ θεός, а ὁ αὐτοκράτωρ, т. е. должен уничтожить Заутцу и его род не бог, а с божьей помощью император. Мы согласны с тем, что русский перевод этого места дает лучший смысл, ибо «низвернуть и уничтожить и тебя, и весь твой род» — скорее должен бог, чем император. Думается, однако, что с точки зрения грамматики перевод П. Карлин-Хейтер в этом случае больше обоснован, и А. П. Каждану следовало бы в комментариях как-то объяснить свое толкование; ведь слово «бог» впервые в этой речи Евфимия упоминается в последней фразе, и переводчик делает его подлежащим предложения только потому, что оно является дополнением в genitivus absolutus.

² P. Karlin-Hayter. Op. cit., p. 162.

Как уже говорилось, перевод хроники сделан очень хорошим литературным языком. Вызывают некоторые возражение только допускающие двойственное толкование слова императора, обращенные к Заутце, отправляющемуся к Евфимию: «И если ты хочешь угодить мне, изволь принять участие в его (Евфимия. — Я. Л., А. С.) обращении к богу» (стр. 34) (греч. καὶ εἰ θεράπευεῖν με βούλει, θέλησον καὶ σὺ τῶν αὐτοῦ πρὸς θεὸν ἐπιτοῦχάνειν ἐντεῦξενω — 26.3—4).

Из этой русской фразы можно решить, что Заутца должен обратиться к богу. Для избежания двусмысленности можно было бы употребить слово «обращение» во множественном числе.

Уже из характера самих замечаний видно, что они не носят категорического характера и в большинстве случаев являются не более как иными вариантами толкования текста.

Радует хорошо отредактированный и выверенный текст перевода. Нам удалось обнаружить только две незамеченные опечатки («тогд» вместо «тогда» — на стр. 69 и дважды повторенный союз «и» на стр. 80).

Превосходно выполнен А. П. Кажданом комментарий к переводу «Псамафийской хроники» (стр. 85—137) — сразу видно, что перед нами результат долгого и тщательного изучения византийской истории тех лет. Не ограничиваясь одним объяснением текста, комментатор вводит читателя в современное состояние ряда вопросов, приводит подробную библиографию. Отдельные комментарии перерастают уже в небольшие исследования — например, о дате смерти Феофано (стр. 98—99, 100—101), о примирении фотия и игнатия (стр. 106—107), о дате восстания Андроника Дуки (стр. 109—112), о Никите Пафлагонском (стр. 125—126), о посланиях Николая Мистика (стр. 129—131). Весьма полезны приложения здесь план Константинополя (стр. 136—137) и хронологическая таблица (стр. 138—139).

Предисловие к переводу «Взятия Фессалоники» (стр. 143—158) написано Р. А. Наследовой, много занимавшейся исследованием этого источника. Р. А. Наследова вкратце излагает историю издания и изучения памятника (стр. 143—144), характеризует события, описанные Иоанном Камениатой. Остановившись на личности Иоанна и на содержании его произведения, Р. А. Наследова показывает то новое, что дает нам этот автор в сравнении с другими историками — сведения о славянских племенах Македонии (стр. 149—150), о ремесле и торговле Фессалоники (стр. 150—151) и т. д. Удачна характеристика мировоззрения Иоанна Камениаты (152—158). Замечаний к статье немного. Жаль, что Р. А. Наследова говорит лишь о предистории взятия Фессалоники и о событиях 904 г. — следовало бы уделить внимание и последствиям — экономическим, политическим, военным — этих событий. Вряд ли удачно следование латинской транскрипции (Lamus) в названии реки (ср. греч. Λάμος, араб. al-lamis, совр. Ламас) (стр. 146, 147).

Весьма квалифицированно сделан перевод «Взятия Фессалоники». Его авторы — С. В. Полякова и И. В. Феленковская, — так же как и переводчик «Псамафийской хроники», отказываются от буквального перевода, но всегда стремятся сохранить смысл и художественное своеобразие оригинала. В помещенной в «приложениях» статье С. В. Поляковой «О некоторых художественных особенностях „Взятия Фессалоники“ Иоанна Камениаты» говорится о двух стилях, явно прослеживаемых в произведении Камениаты: книжно-витиеватом стиле церковной прозы и простом, реалистическом стиле бытовой речи. Оба эти стиля умело сохранены в переводе. Даже не знакомый с наблюдениями С. В. Поляковой читатель русского текста хорошо чувствует стилистическую двойствен-

ность и своеобразие памятника. В тех местах, где слог Камениаты испытывает влияние церковного языка, русский текст изобилует архаизмами и церковно-славянизмами, его синтаксические конструкции нарочито витиеваты. Напротив, в описательных частях произведения, где Камениата безыскусно рассказывает о пережитых им несчастьях, переводчики смело вводят бытовую лексику, а в некоторых случаях идут даже на упрощение греческого текста.

Такой метод перевода представляется нам законным, поскольку русский текст правильно передает смысл и дух подлинника. Некоторое же упрощение оригинала вполне допустимо, ибо точный перевод с греческого языка, как правило, звучит тяжелее оригинала, из-за чего может исчезнуть в передаче на русский язык простота и легкость стиля подлинника. Особенно хорошо удалось переводчикам передать безыскусные и в то же время эмоционально насыщенные описания драматических событий падения города и скитания пленников.

Трудно рассчитывать на то, чтобы первый перевод на новый язык такого сложного памятника, как «Взятие Фессалоники», был вовсе лишен всяких погрешностей. Тем не менее их в переводе С. В. Поляковой и И. В. Феленковской очень мало, да и те в большинстве случаев относятся, скорее, к стилистическим оттенкам повествования, чем к его смыслу. Считаю, однако, необходимым привести некоторые из них. В «лирическом отступлении» 37-й главы Камениата говорит о том, как трудно ему описывать пережитые несчастья, и объясняет свое душевное смятение следующим образом: *ἡ γὰρ ἀνατόπῳσις τῶν γεγονότων ὡσανεὶ πρᾶττομένων τῆ ψυχῆ διὰ τῆς μνήμης τὸν κίνδυνον εἰκονίζουσα καὶ διαμορφοῦσα τῆ φαντασίᾳ τὰ πρᾶγματα, τὴν ὁρμὴν τοῦ λέγειν ἐπέχειν βιάζεται* (540. 16—19)³.

В переводе С. В. Поляковой и И. В. Феленковской: «Прошлое, при помощи памяти как бы запечатлевая пережитую опасность и веряя событиям разуму, убивает желание говорить» (стр. 183). Смысл этой фразы в таком виде плохо понятен из-за неудачного перевода *ἡ ἀνατόπῳσις τῶν γεγονότων* как «прошлое»; *ἡ ἀνατόπῳσις τῶν γεγονότων* — не прошлое, а воспоминание, представление о нем. В другом месте переводчики совершенно верно переводят множественное число от *ἡ ἀνατόπῳσις* как «возникающие в памяти картины» (стр. 163).

В главе 34-й, описывающей штурм Фессалоники, об одном воине-эфиопе говорится *ὁ δὲ τὴν μάχαιραν ἣν ἐτόγγανε ταῖς χερσὶ κατέχων ἀναρριπίζων, καὶ κατὰ τοῦ τείχους ἀλλόμενος, ἐπέμενε σκοπῶν. . .* (536. 15—18). В переводе С. В. Поляковой и И. В. Феленковской: «Размахивая мечом, он бросился наверх и стоял там, стараясь понять. . .» (стр. 181). На самом же деле эфиоп не «бросился наверх», а, наоборот, соскочил на стену сверху, (*κατὰ τοῦ τείχους ἀλλόμενος*), прыгая, по всей вероятности, с сооруженной на паре связанных между собой кораблей башни, по словам Камениаты, «намного перевышавшей своей высотой уровень нашей стены».

В главе 42-й в заключенном в скобки предложении («у меня двое младших братьев, которые по сей день разделяли со мной и плен, и все остальные невзгоды» — стр. 186) стилистически правильное было бы употребить глагол «разделять» в настоящем времени (греч. *συγκοινωνοῦντες*). В 43-й главе отец Камениаты, обращаясь перед лицом грозящей беды к своим детям, следующим образом заканчивает свою речь: «. . . враги сначала познакомятся с вашим оружием, а потом уже я, помнящий много смертей,

³ Все ссылки на сочинение Камениаты даются по изданию: Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. Воннае, 1838, р. 487 sq.

сражаясь рукой каждого из вас, смешаю свою кровь с вашей» (перевод С. В. Поляковой и И. В. Феленковской — стр. 187). Слова «сражаясь рукой каждого из вас» — перевод греческого *καθ' ἕνα ὑμῶν ἀδλήσαντα* (p. 548.22). Думается, однако, что в них заключен более элементарный смысл, а именно: «сражаясь за каждого из вас». В начале той же речи отец Камениаты говорит: «В отличие от прочих, сраженных бедствиями, я даже не могу — так торопит меня время — подобающим образом оплакать свое несчастье» (перевод С. В. Поляковой и И. В. Феленковской — стр. 186). Из этой фразы может создаться впечатление, что отец Камениаты не имел времени оплакать свои несчастья, в то время как другие жители Фессалоники могли это сделать. Мысль же автора в данном случае другая: отец Камениаты не может, как это обычно делают сраженные бедствиями люди, оплакать свое несчастье (*μηδ' ὅπερ τοῖς ἀτυχοῦσίν ἐστι συγχεχωρημένον σχολὴν ἄγω ἄξιον τοῦ πάθους ὀδύρασαι* — 547. 17—18). Заговорив уже о стилистических тонкостях, упомянем, что предложение *οὐκ εἶχον ᾧ τινὶ τοῦ λοιποῦ τρόπῳ τὸ ἀσφαλές ἑαυτοῖς συντρέψονται* (534. 1—2) (речь идет о жителях Фессалоники, пришедших в ужас перед лицом наступающего врага) лучше перевести «люди не знали, как спастись», чем, как предлагают переводчики, «люди не знали, как оборониться» (стр. 180). Ведь речь идет здесь не об общей обороне, о которой, по словам самого Камениаты, никто более уже не помышлял, а об обеспечении личной безопасности, тем более, что такой перевод больше соответствует значению слова *τὸ ἀσφαλές*. Полагаем, также, что было бы уместным снабдить комментарием перевод конечной фразы 58-й главы *εἴ που δέ τι τοιοῦτον ἀγαγὼν ἔλαθέ τις, τῷ τῆς θαλάσσης δεδωκασιν ὑδατι, κὰν τούτῳ τοὺς διαδράντες τὸν κίνδυνον ἀμυχόμενοι, ἵνα καὶ αὐτοὶ τι μετέχωσι τοῦ κακοῦ, πολυσχιδῆ καὶ διάφορον τῆν τῶν ἐνοπαρχόντων ζημίαν ἐπισθανόμενοι* (569. 1—5).

Речь идет здесь о пощаженных завоевателями гражданах Фессалоники, осмелившихся принести в качестве выкупа медную и железную утварь и шерстяные ткани, которыми завоеватели пренебрегали. Предложенный С. В. Поляковой и И. В. Феленковской перевод этого места: «Если же кто тайно приносил что-нибудь подобное, они бросали в море, тем самым карая и тех, кто избегнул опасности, чтобы и они, познав все возможные наказания, извели вкус зла» (стр. 196) не совсем ясен — что бросили в море — людей или то, что они приносили? Кроме того, существует и другая возможность перевода: вместо «познав все возможные наказания» — «видя утрату разнообразного имущества». Наконец, последнее замечание, которое следует адресовать, скорее, редактору, чем переводчику: на стр. 181 (16-я строка снизу) скобка стоит на два слова левее, чем нужно, что несколько меняет смысл фразы.

Указанные здесь отдельные погрешности не могут поколебать высокой оценки перевода, сделанного в целом очень удачно и квалифицированно.

Комментарий Р. А. Наследовой к «Взятию Фессалоники» (стр. 213—241), как и предыдущий комментарий, также производит весьма благоприятное впечатление. И здесь мы встретим ряд объяснений, носящих исследовательский характер, — о друговитах и сагудатах (стр. 218—220), об отношениях между Фессалоникой и Болгарией (стр. 221—222) и др. Комментатор обращает внимание на отдельные неточности, допускаемые Камениатой (например, стр. 224, прим. 6; стр. 234, прим. 1 к гл. 41). Отмечено ошибочное толкование свидетельств памятника некоторыми современными учеными — Ф. Дворником (стр. 220), П. Лемерлем (стр. 230), А. А. Васильевым (стр. 237, 239, 240), А. Штруком (стр. 238, 239), А. Грегуаром (239, 240). К комментарию приложен план Фессалоники (стр. 240—241).

Статья С. В. Поляковой «О некоторых художественных особенностях „Взятия Фессалоники“ Иоанна Камениаты» (стр. 242—249) содержит интересные наблюдения над языком и стилем памятника. Автор показывает черты, выделяющие «Взятие» среди других образцов византийской литературы той поры, — психологизм, известная объективность автора в характеристике друзей и врагов, отход от шаблона в описании иноверцев-арабов, сочетание приподнятого церковного стиля с простым, разговорным. Публикация этой статьи в приложениях к переводу представляется весьма полезной. Благодаря ей читатель узнает не только об историко-ведческой ценности памятника, но и о ценности культурной, художественной. Вместе с тем наблюдения С. В. Поляковой свидетельствуют не об одном лишь своеобразии «Взятия Фессалоники». Они показывают и связь его с некоторыми характерными течениями в византийской литературе IX—X вв. — вниманием к быту, увлечением военной тематикой, все большей терпимостью к арабам, и, быть может, следовало сказать в статье о такой связи.

Рецензируемая книга — вторая в серии «Памятников средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы». Сравнение ее с первой книгой — «Историей» Феофилакта Симокатты (Издательство АН СССР, М., 1957) — показывает, что качество публикаций этой серии заметно улучшилось. Прежде всего это относится к переводу. Как с научной, так и с художественной точки зрения перевод «Двух византийских хроник» стоит на более высоком уровне. Значительно расширен аппарат приложений. Если «Историю» Феофилакта сопровождают примечания (так они и названы в книге), то аппарат «Двух хроник» — это в полном смысле слова комментарий-исследование. Наконец, в отличие от первого выпуска, настоящее издание привлекает (правда, довольно робко) и иллюстративный материал — заимствуя его из мадридской рукописи Скилицы (стр. 89) и из греческой рукописи № 315 Государственного исторического музея (стр. 111).

Сейчас можно уже сопоставить нашу серию «Памятников» и с издаваемой Э. Иванкой в Австрии (Грац) серией (*Byzantinische Geschichtsschreiber*). В 1954—1958 гг. в этой серии вышло восемь выпусков. В отличие от нашей серии, переводы памятников часто публикуются здесь не целиком, а в тематически объединенных отрывках (I вып. — из Георгия Сфрандзи, II — из Лаоника Халкокондила, IV — из Приска и Менандра Протектора, VI — из Феофана). Австрийская серия в большей мере носит характер популярного издания — большинство выпусков значительно уступает второму тому нашей серии по серьезности сопроводительных статей и объему комментария. С другой стороны, по сравнению с «*Byzantinische Geschichtsschreiber*», темпы издания «Памятников» оставляют желать лучшего.

Надо надеяться, что последующие тома нашей серии будут выходить без таких интервалов, как первые два. Хочется пожелать также, чтобы в большем объеме привлекался иллюстративный материал — здесь следовало бы подумать об использовании фондов наших библиотек и музеев. Желательно, чтобы получил развитие и пример «Двух византийских хроник» в отношении анализа художественных особенностей издаваемого текста. Все это способствовало бы большей популярности «Памятников» у наших читателей.

Я. Н. Любарский, А. Я. Сыркин